Чай со звездным сиянием. Книга 1

Автор:
Марта Льян

Чай со звездным сиянием. Книга 1

Марта Льян

Что же происходит в незнакомом городе? Смотри, слушай и подмечай. Письма, двери, обрывки легенд – все сплетается в одну историю.

Очередной учебный год встречает молодого студента чередой неудач.

Загадочный продавец из чайной лавочки однажды дал слово, и теперь пришло время держать ответ.

Послания, адресованные тихой девушке с нежным голосом, несут в себе угрозу – темную, почти осязаемую.

А ловкий аферист, оказавшийся случайным участником событий, как водится, ищет лишь выгоды.

Устраивайся поудобнее, поверь в чудо, и пусть в чашке растворится небесная синева.

Марта Льян

Чай со звездным сиянием. Книга 1

© Марта Льян, 2021

© Иллюстрации. Вельга Северная, 2021

© Издание, оформление. Animedia Company, 2021

Пролог

И хотя я ушел на запад,

В моем сердце – тепло востока,

Пахнет солнцем, песком, пустыней,

Обжигая, вечерний чай.

Жизнь с людьми, как ни странно, может

Быть пугающе одинокой.

Звезды в чашке и звезды в небе

Мне в ответ, как назло, молчат.

Вечерело. Осень понемногу перетекала через границу октября и ноября – этот меланхоличный Рубикон с подводными камнями тоски и растерянности. Хмурилось небо, жались друг к дружке продрогшие дома. Даже машины, словно щенки, поджавшие хвосты, стремились спрятаться туда, где посуше и потеплее. Скоро на улицах загорятся фонари, растворяясь в озерах витрин и лужах окошек. Осенние огни большого города…

На углу одного из венских переулков – тех самых, с труднопроизносимыми названиями и каким-то особенным уютом – стояли мужчина и девушка, тихонько что-то обсуждая. Случайный прохожий, не побоявшийся прячущейся в углах ноябрьской серости, мог бы принять их за парочку или коллег по работе, хотя,

в сущности, ни одна из этих догадок не являлась верной. Многое на улицах больших городов – вовсе не то, чем кажется на первый взгляд.

Заморосил дождь, размеренный и прохладный, распугивая ютившихся на козырьках дверей воробьишек. Девушка вскинула голову к осеннему небу, вглядываясь в полупрозрачную высоту.

Ее собеседник ловко достал что-то пестрое из рюкзака. Раз! – и зонт с хлопком раскрылся над их головами, спасая от назойливых капель. Но она, словно испугавшись, сделала несколько шагов назад и снова оказалась под серым небесным плащом.

– Я всегда забываю, прости, – смутился он.

– Все в порядке, я привыкла. Ты не представляешь, как странно на меня порой смотрят люди. Но тут уж ничего не поделаешь, со своей любовью к воде я расстаться не готова.

– Понимаю, – одобрительно кивнул мужчина.

Теперь она стояла под дождем, задумавшись о чем-то своем. На пальто появились мокрые пятна, а выбивающиеся из прически пряди начали прилипать к лицу. В воздухе повисла неловкая пауза – одна из тех, что знаменует необходимость возвращения к важному разговору, который будет заставлять всех его участников переживать и сомневаться.

Первой молчание нарушила девушка:

– Ты уверен насчет этого? Своего обещания? Это ведь… – Она запнулась. Мысли разбегались в стороны, как солнечные зайчики от хрустальной вазы.

– Да, – ни минуты не колеблясь, отчеканил он, – слово было дано. Это меньшее, что я могу предложить после всего, что ты для меня сделала. Конечно, мне не по

себе, ведь столько подобных историй закончилось плохо – и не сосчитать! Но я тебе верю. Верю, ты сможешь распорядиться им мудро и честно, не причинив никому вреда.

Он посмотрел ей в глаза – долгим и пронзительным взглядом, в глубине которого притаились смирение и страх. Смотри, вот оно – мое до-ве-ри-е. Не сломай. Не разбей. Не навреди. А его спутница недоумевала, как так вышло, и думала о том, что говорить спасибо в этом случае будет странно и неуместно. Что вообще в таких случаях говорят?

– До сих пор не верится! – откликнулась она, пытаясь заправить за ухо особо непослушную прядь. – Я думала, для этого по меньшей мере жизнь спасти надо.

– Ты и спасла, можно сказать. Это не тянет на эпическую балладу, – он усмехнулся, – но все же не перестает быть маленьким подвигом. На самом деле мы спасаем других гораздо чаще, чем кажется. Некоторые – так вообще чуть ли не каждый день. Просто мы сами этого не замечаем.

– И все мы – маленькие герои? – Она улыбнулась.

– Наверное, – не стал спорить ее собеседник. – Не хочу показаться настырным, но, может, дать тебе зонт?

– И ты туда же! – рассмеялась она. – Если не хочешь, чтобы я мокла здесь, можем пойти и посидеть где-нибудь. Только давай без чая в этот раз, ладно? Ты уже давно обещаешь мне попробовать горячий шоколад!

Соглашение было достигнуто. Мужчина принял как неизбежную данность кружку горячего шоколада к ужину, а девушка – произошедшее с ней маленькое приключение, древнее, как сам мир. Ну и пусть оно еще не закончилось – у нее в запасе много времени, чтобы сделать достойный выбор.

А осень пробиралась под кожу, прокрадывалась во сны, словно зная, что дни ее сочтены, ведь где-то там, за сыростью и тучами, уже витало неуловимое ощущение рождественского волшебства. До декабря было еще много времени – но подарки были уже сделаны. Нет, не заботливо припрятанный расписной шарф и шершавая узорчатая кружка, но слово, данное в обмен на спасение от одиночества.

И каждый из этих даров стоил другого.

Глава первая,

в которой рассказывается о переезде и неприятностях

Конечно, это не мудрость предков,

Но стоит помнить средь прочих дел:

Удача нам выпадает редко,

А неудача – хоть каждый день.

Переезд в одиночку – тяжелое дело. Веющий обманчивой свободой и перспективами, спустя некоторое время он заставляет нас вспомнить, что люди – это всегда часть общества. Что никто не может долгое время быть один. И тогда начинаются отчаянные поиски – человека ли, дела ли, – которые вновь сблизят тебя с этим миром, позволят дышать полной грудью и радоваться, приходя домой. Тот, кто ищет, порой готов на самые отчаянные авантюры – лишь бы снова почувствовать себя живым. Нужным и важным.

Уильям осознал это после того, как уехал учиться в Вену, оставив Южную Англию, где он родился и вырос. Он вполне мог бы устроиться на постоянную работу в родных краях, но, окончив университет в Борнмуте, небольшом шумном городке, полном активной молодежи, решил, что хочет побывать в другой стране. Уилл жаждал прожить хотя бы один год, в который ему не надо было бы посещать занятия, поспевать за поставленными сроками сдачи многочисленных эссе, спортивными тренировками молодежной футбольной команды и прочими прелестями жизни старательного студента. В то же время он не хотел оставаться дома, предположив, что смена обстановки поможет ему с изучаемым уже шесть лет немецким языком, до этого в основном практикуемым на письме, а не в общении, что это позволит сменить взгляд на мир и открыть что-то новое.

Семья Уилла, состоящая из родителей и младшей сестренки, всегда и во всем его поддерживала, благо он рос парнем старательным и неглупым.

Прозвенело прохладное английское лето с его ветрами и ливнями. И вот в первый осенний месяц, добавив к выданным отцом деньгам неплохую сумму, заработанную им самим за последние пару лет, попрощавшись с семьей и взяв с друзей обещание сохранить для него место в команде, Уилл улетел утренним самолетом с острова на континент.

* * *

Частные высшие учебные заведения в столице Австрии были не так известны, как знаменитый Венский университет прикладных наук, но зато давали возможность поступать на заочные программы и совмещать учебу с чем бы то ни было[1 - Дорогой читатель, сразу сделаю оговорку на будущее. Университет, в котором учится Уилл, не имеет реального прототипа и является частным, а значит – может позволить себе несколько бо?льшую свободу относительно формирования программ, их временных рамок и вариативности способов обучения. Посему принцип работы учебной программы Уилла не претендует на стопроцентное совпадение с существующими в нынешней Австрии учебными программами. Но существуют ли похожие учебные программы в европейских университетах – спросите вы? Да, существуют. (Здесь и далее – прим. автора.)]. Впрочем, приезд иностранных студентов в саму Вену тоже приветствовался – им устраивали экскурсии, давали допуск к библиотекам и спортивным залам, возможность посещать открытые лекции. При определенной доле удачи и настойчивости был шанс даже отыскать ведущего программу преподавателя и задать интересующие тебя вопросы при личной встрече, а не ждать письменного ответа, проверяя входящие сообщения по несколько раз на дню.

Поначалу Уиллу все это чрезвычайно нравилось. Он периодически посещал университетскую библиотеку, гулял по Леопольдштадту – тихому, вытянутому вдоль Дуная району, где он снимал маленькую квартиру. Он ездил в центр и на окраины, ходил по музеям, часто бывал в Венском лесу – сказочно-зеленом мире на краю большого города. Вечера он проводил, работая над заказами – фриланс, связанный с переводами и редактурой, уже давно стал для него обыденным делом, – или выполнял задания, присылаемые ему кураторами программы. Но со временем, когда все знакомые маршруты уже приелись, а новые – перестали вызывать энтузиазм, он начал грустить. Сперва не отдавая

себе отчета, считая это отголосками плохого настроения или волнения за очередной заказ, а потом – осознанно, немного пугливо, как грустят молодые люди, уже не понаслышке знающие, что невозможно всегда быть счастливым, но все еще старательно скрывающие проявления таких простых человеческих чувств. В один из дождливых октябрьских дней он признался себе в этом сам, хоть и не вслух, но громко и отчетливо, запив эту мысль большим глотком горького кофе. Он тосковал по дому.

Там, в родном Дорсете, у Уилла всегда было море – живое, дышащее свободой и бесконечным спокойствием. Хотя если бы вы родились таким же дотошным, как некоторые учителя в его школе, вы бы отметили, что пролив Ла-Манш морем совсем не был. Но все жители графства, от стариков до молодежи, звали его именно так. Уильям любил гулять у воды вечером – когда приходили из последнего рейса желтые круизные кораблики, набережная освещалась яркими огнями, а волны разносили окрест звуки веселой музыки из пабов и ресторанов. Он часто оставался допоздна, наблюдая, как гаснет живое веселье и зажигаются первые звезды, принося с собой умиротворение и уверенность в завтрашнем дне. А где-то там, в глубине города, его ждала семья, друзья-приятели, оранжевого цвета футбольный мяч, купленный им на первые серьезно заработанные деньги, и заветный кожаный блокнот с записками и заметками. Все было как должно.

Здесь, в Вене, тоже было море – яркое, колышущееся. Человеческое. Оно полнилось силой, кипело, бурлило, выходило из берегов. Оно давало энергию и жажду жить с бесконечной щедростью – и с такой же бесконечной безжалостностью их забирало. И даже Уилл, уравновешенный и неунывающий молодой человек, порой чувствовал, что тонет. Он тонул глубокими ночами, когда улицы пустели, а квартира внезапно становилась чужой. В такое время не спасали спортивные репортажи, видеозвонки и книги. От этого нужно было бежать, укрываться за толстой стеной сна до тех пор, пока первые утренние лучи не прогоняли прочь липкий холод одиночества.

Тот вечер был из тех, что предшествуют очередной тоскливо-беспокойной ночи: мягкий и безобидный с виду, он таил в себе неизвестность и угрозу. Предчувствие этого не давало Уильяму спокойно сосредоточиться: он ерзал на стуле, ежечасно бегал на кухню, пару раз внезапно вскакивал и начинал ходить по комнате в поисках ускользающих слов для очередного эссе. Текст упорно стоял на месте. После стертого в третий раз вступительного абзаца ноутбук был погашен, учебники закрыты, а Уилл уже стоял в дверях с шапкой

в одной руке и связкой ключей в другой. Ведь не зря же говорят, что прогулка – лучшее лекарство, верно?

Вечерняя Вена, шумная и оживленная, звала за собой всех: от случайных прохожих до туристов и искателей приключений. Искателем приключений Уильям не был, но почему-то они в последнее время сыпались на него горой. Спокойная и безмятежная жизнь у него в последнее время как-то не задалась.

Все началось на прошлой неделе, в среду, когда он случайно столкнулся со спешащим на трамвай невысоким прохожим в офисном костюме, да так, что оба рухнули на тротуар, теряя сумки. Мгновенно сцапав свой кожаный рюкзак, пострадавший пробормотал что-то нечленораздельное себе под нос и умчался, не дав Уильяму даже возможности извиниться. Молодой человек отделался синяком на коленке, парой ссадин и испорченным настроением на последующие несколько часов. Потом был уехавший прямо перед его носом автобус, из-за которого он опоздал в парикмахерскую, купленное молоко оказалось скисшим, а в любимых кроссовках обнаружилась дыра (которая, в свою очередь, проделала незапланированную дыру в бюджете Уилла, ведь ему пришлось в срочном порядке покупать новые). Он искренне надеялся, что после такой полосы невезения он должен по меньшей мере выиграть в лотерею. Ну или хотя бы сдать на высокие баллы все предстоящие экзамены, раз уж он не увлекается азартными играми.

Над головой проплывали фонари. Ярко сияли витрины и окна домов, шаги словно вторили ритму города. Уилл, проведя на улице пару часов, задумался о том, что экзамены еще далеко, а вот если б в булочке, которую он выберет, было в два раза больше джема – это тоже с лихвой покрыло бы все его злоключения на этой неделе.

Маленькая пекарня-кондитерская, в которую он направлялся, располагалась на нижнем этаже торгового центра, коих обязательно найдется хотя бы парочка в любом небольшом городке и несколько десятков – в крупном. На том же этаже работали цветочный, маленькое ателье, чайная лавочка, магазин электроники, аптека, зоотовары и несколько крошечных кафе. Запахи цветов, чая и еды смешивались в один, сладкий и головокружительный, но успевшего проголодаться Уильяма в этом многообразии ароматов интересовал лишь один – запах свежей выпечки.

Очередь оказалась небольшой, и спустя пару минут он уже держал в руках теплую пышную булку. Она оказалась самой обычной, и джема там было не больше, чем и всегда, но Уилл не шибко расстроился по этому поводу и, сев на свободный краешек одной из скамеек, заполненных уставшими от пестрого многообразия вещей и продуктов людьми, принялся увлеченно жевать. Какой-то малыш, завидев его довольную улыбку, попросил у мамы такую же булочку, и, встав, эти двое направились выбирать вожделенный трофей среди целой свежеиспеченной армии. Уилл улыбнулся и, стряхнув крошки, двинулся в магазин электроники – поглазеть на последние модели ноутбуков и опробовать очередную игровую приставку.

Проведя среди технических новинок минут сорок, он решил, что можно отправляться домой. Главная миссия прогулки была выполнена – непонятная грусть отступила. Буквально в эту же минуту, словно в подтверждение его мыслям, приятный женский голос объявил, что до закрытия торгового центра осталось двадцать минут.

Перед выходом, остановившись, чтобы натянуть куртку, он по привычке решил проверить карманы джинсов, начав с левого. Ключи, какой-то скомканный чек, мелкие монетки, стащенная в кафе в понедельник конфета – пока все было на месте. Уилл запустил руку в правый карман, который был немного глубже остальных, ожидая нащупать там телефон и кошелек.

Карман был пуст.

Молодой человек лихорадочно перепроверил его еще раз, видимо, предполагая, что его вещи еще не успели «загрузиться» в предыдущую секунду, но сейчас-то точно материализуются. Безуспешно. Задние карманы тоже не спасли ситуацию, а в куртке нашлась только парочка билетов, которые, судя по их виду, пережили не одну стирку. Он даже потряс ее на всякий случай, но с тем же успехом можно было надеяться, что из нее выпадет потерянный им в четыре года игрушечный тираннозавр или забытое в последних классах школы умение эффективно организовывать свой день. Обшаривание карманов заново тоже упорно не помогало.

И тогда Уильям сделал то, что на его месте, пожалуй, сделали бы многие из нас – ударился в панику.

Ноги сами несли его обратно, вглубь торгового центра – надо было проверить все места, в которых он успел побывать. Сердце колотилось как бешеное, в ушах стучало. В такие моменты кажется, что каждая секунда на счету. А учитывая то, что до закрытия оставалось совсем немного, время было действительно дорого.

Пробежка по уже почти безлюдным верхним этажам, где он еще немного побродил после посещения магазина электроники, не дала никаких результатов. Встреченный уборщик только развел руками и показал пальцем на часы, мол, если найдем – то уже завтра, а вам, молодой человек, пора бы на выход. Раздосадованный Уилл, поблагодарив его, умчался обратно – он не собирался так просто сдаваться. Что-то подсказывало ему, что, если он бросит искать сейчас и вернется с утра, не видать ему телефона с кошельком, как посетителям рок-концертов – конца очереди на вход.

Нижний этаж, около получаса назад бывший приветливым и людным, теперь опустел, магазины попрятались за железными шторками, закрылись двери, и лишь отдельные островки света выхватывали из мягкого полумрака витрины, вывески и повороты. Уильям добежал до той самой скамейки у пекарни, но, как и следовало ожидать, там было пусто.

– Черт! – кратко описал ситуацию Уилл, после чего, уперевшись кулаками в бока, попытался прийти в себя. Не то чтобы пробежки по этажам и лестницам были для него серьезной физической нагрузкой – особенно после футбольных матчей под проливным дождем и коротких спринтов до последнего ночного автобуса, – но волнение из кого угодно сделает беспомощного старика.

Отдышавшись, он огляделся вокруг и вдруг заметил девушку почти в самом конце коридора. Она уверенно шла куда-то вперед и с каждой секундой все больше отдалялась от Уилла.

– Извините! Подождите! – только и успел выдохнуть он, прежде чем помчался вдогонку. – А вы не находили здесь кошелька? Или телефона? Или всего сразу?

– А? – Возглас возымел действие, и Уилл, затормозив прямо перед ней, поймал на себе удивленный взгляд. Немного помолчав и подумав, она продолжила:

– Нет, к сожалению, не находила. Я передам, чтобы поискали, если встречу кого-нибудь, хорошо?

Девушка снова пристально посмотрела на Уилла, будто пытаясь что-то вспомнить или понять. Странно, но от этого он даже почти успокоился.

– Хорошо, – кивнул Уилл. – Спасибо.

Совсем разочарованный, он еще немного постоял, смотря ей вслед, после чего решил отказаться от идеи продолжать поиски.

– Раз так, пусть все эти дурацкие карманы и мерзкие торговые центры катятся куда подальше, – прошипел Уилл, – приду домой – и неделю оттуда не буду вылезать.

Поднявшись этажом выше, он прошел мимо одного из дополнительных входов – небольших, но крайне помогающих разгрузить поток людей. Он оказался закрытым.

Махнув рукой, Уильям проследовал дальше. Эти маленькие дверки – баловство, они могут быть закрыты и днем. Он направлялся к главному входу, который уж точно должен был выпустить его навстречу влажному вечернему воздуху и долгожданной кровати.

Но чем ближе он был к цели, тем больше у него холодела спина. Уилл сжал кулаки и затаил дыхание, искренне надеясь, что этого не случилось. Подойдя почти вплотную к большим стеклянным дверям, он даже толкнул их рукой, не веря в произошедшее.

Он все-таки опоздал.

Они были закрыты.

Глава вторая,

в которой Уилл ищет выход из сложившейся ситуации

Жизнь – сплошные паденья и взлеты,

Но порой и беда – не беда,

Даже если потеряно что-то

Или двери ведут в никуда.

Уильям вырос в портовом городке, под завязку набитом туристами и студентами. В детстве его пугали иностранцы – суровые и непонятные, но к семнадцати годам он успел не только привыкнуть к обстановке, но и полюбить этот пестрый ковер, сшитый из лоскутков неразборчивых фраз, мелькающих в толпе интересных лиц и чужих дорог, что пересекают твою лишь на мгновение.
Он порой даже заводил разговоры с приезжими, чаще всего – студентами, его ровесниками, такими же самоуверенными и легкими на подъем, и они обучали друг друга премудростям получения скидок на билеты в кинотеатре и витиеватым ругательным выражениям.

Последнее как раз пригодилось Уиллу, когда он окончательно осознал, что оказался заперт в торговом центре на всю ночь. Спустя пару попыток приструнить разбежавшиеся мысли он не нашел ничего лучше, кроме как излить свое негодование в словесной форме. После нескольких ругательств на родном языке в ход пошли немецкие, а когда и они подошли к концу, Уильям с радостью и даже неким злорадством отметил, что посиделки в парке с испанцами пару лет назад явно не прошли зря, и вдохновенно продолжил на испанском. В его багаже иностранных слов также обнаружилась пара французских крепких выражений, и даже одно на русском. Не зря учителя в школе хвалили его за хорошую память! В этот момент Уилл был немного горд собой. Он и не знал, что по части ругательств может дать фору даже изрядно подвыпившему зрителю Лиги Чемпионов. Как говорится, сложные ситуации открывают в нас поистине удивительные способности!

К сожалению, помимо богатого багажа нецензурных слов Уилл не заметил за собой больше ничего особенного и, поняв, что брань закончилась и он пошел по второму кругу, поостыл и попытался трезво оценить ситуацию.

Когда в перспективе тебе предстоит бессонная ночь, потому что ты находишься в месте, явно для сна не предназначенном, сложно говорить о ясном уме и трезвой оценке. Тем не менее Уильяму удалось принять, пожалуй, одно из лучших в данной ситуации решений – попробовать отыскать кого-нибудь из персонала при условии, что кто-то здесь еще оставался. В противном случае скамейка на нижнем этаже, на которой он сидел всего лишь какие-то пару часов назад, могла худо-бедно сгодиться в качестве кровати.

При воспоминании о кровати Уилл нахмурился, а потом тяжело вздохнул, запустив пальцы в копну русых волос. Какая еще скамейка? Кой черт вообще его дернул сегодня выйти из дома? Давно бы уже спал спокойным сном! Ну, или, если быть более честным, смотрел бы сериалы или ел сэндвичи, запивая молоком.

Но раз уж влип – надо выбираться, ничего не поделаешь.

Побегав по первому этажу, он не встретил ни души. Ни одного намека на присутствие других людей, даже около выходов было пусто, как у палаток с прохладительными напитками в зимние месяцы.

«Да этого просто не может быть! Здесь точно должны быть охранники, неужели совсем никого нет?» – сердито бормотал Уилл. Он уже примирился с тем фактом, что его вполне могут оштрафовать за нахождение в торговом центре в неположенное время. Или еще что-нибудь похуже случится, тут уж можно было только гадать.

Уилл и не думал, что ему понадобится знание местного законодательства на таком бытовом уровне. Он был настолько раздосадован происходящим, что согласился бы на любое дальнейшее развитие этой истории – лишь бы случилось что-нибудь, что сдвинуло бы ее с мертвой точки.

Почти отчаявшись, молодой человек решил попытать счастья этажом ниже. Он ужасно устал после пережитых волнений и предшествовавшей его злоключениям вечерней прогулки, поэтому шел медленно, почти брел, скользя взглядом по полутемным витринам и стендам. Даже развязавшийся шнурок не заставил его отвлечься, что уж говорить о голосе, прозвучавшем откуда-то из-за дальнего угла.

Постойте-ка! Голос? Уилл ускорил шаг, параллельно скрестив пальцы в надежде, что его не оштрафуют, а просто помучают расспросами и отпустят домой. Хотя, конечно, сам виноват, что уж говорить. Но он же не нарочно, в конце концов!

Подойдя ближе, Уилл сбавил шаг, решив сначала разведать обстановку. Голос доносился из магазина, расположенного почти на углу торгового ряда, и принадлежал той самой девушке, у которой Уильям спрашивал о своей пропаже. Она стояла на пороге, а ее собеседник, по-видимому, был внутри, и Уилл не мог его увидеть. Зато ему удалось различить отдельные слова и фразы: «разберись сам», «надо вернуть», «только не суйся», «правила», «плохо». В ее голосе звучало волнение. Тот, второй, успокаивал ее, но Уилл не успел оценить успешность предпринятых им попыток, потому что девушка вдруг резко шагнула за порог и исчезла из виду. Последним, что услышал Уильям, были пожелания доброй ночи и громкий хлопок двери.

«Что-то как-то противненько. Может, просто отсидеться здесь? – мелькнуло у него в голове. – Нет, надо выходить. Кто бы там ни был, он может меня выпустить».

Вообще, в биографии Уилла были моменты и пострашнее вроде игры в прятки ночью в лесу или попыток распития спиртного, сидя под вывеской, гласившей: «Алкогольные напитки запрещены». Он еще немного поколебался, но в итоге страх провести ночь взаперти взял свое. Засунув руки в карманы (и параллельно проверив, не материализовались ли там потерянные вещи), чтобы выглядеть как можно более невозмутимо, он шагнул в дверь.

Помещение оказалось чайным магазинчиком, небольшим, но довольно уютным – Уилл вспомнил, что уже проходил мимо него, когда шел в пекарню. Вдоль стены стройно стояли шкафы, заставленные разноцветными коробками и банками – на каждой были этикетки с рисунками и описаниями. Некоторые банки были прозрачными, другие отличались по размеру и форме. На нескольких коробках, стоявших почти под самым потолком, Уиллу не удалось разобрать надписи – буквы будто разбегались, не желая складываться в слова, но он не придал этому значения. Ближе к краю стола, сделанного из какой-то темной породы дерева – хотя это был, скорее, прилавок, за которым гордо вздымался лес из усеянных банками шкафов, – находились весы. На отдельной полке, будто птицы на проводах, восседали чайники: пара металлических, фарфоровый, глиняный и стеклянный. Приглядевшись, он также заметил по соседству полку, заставленную бутылочками с сиропами, и подставку с пробирками, доверху

заполненными сушеными цветами. Прямо над головой висел крошечный колокольчик, но дверь, по-видимому, была всегда открыта и он выполнял чисто декоративную функцию. Пахло, как ни удивительно, чаем, а еще – пряностями, травами и ягодами, мягко и нежно, навевая воспоминания о лете и поездках на природу с семьей.

Уилл уже начал было подумывать о том, как бы привлечь к себе внимание, но тишина была нарушена хлопком закрывшейся крышки, и продавец, до этого стоявший спиной, наконец, обернулся.

Он выглядел лет на пять-шесть старше и чуть выше Уилла – с небольшой бородкой, вплотную подбирающейся к усам, и темно-русыми, почти черными в приглушенном свете ламп волосами до плеч. Одет он был в простую темно-синюю рубашку, а на руке носил кожаный браслет, стилизованный под компас, но, по всей видимости, им не являвшийся – стрелки не меняли своего положения при движении руки.

«Модник» – презрительно подумал Уильям, не шибко жаловавший длинные волосы и болтающиеся на запястьях инородные объекты. Он даже отказался носить часы, подаренные ему на двадцатилетие, несмотря на все увещевания отца касательно того, что это «атрибут настоящего джентльмена», а уж о браслетах речь тем более не шла.

Уилл снова поднял голову и поймал на себе чужой взгляд: на него пристально смотрели глаза глубокого серого цвета, отчего ему мгновенно сделалось неудобно. Будь Уилл романтичной девушкой или, на худой конец, художником, он бы сравнил цвет глаз продавца с предгрозовым небом. Но он таковыми не являлся, и поэтому первое, что пришло ему в голову, – то, что у его двоюродного дядюшки Бена был пиджак похожего цвета. А второе – то, что надо бы поинтересоваться, не может ли этот мужчина его выпустить.

Несмотря на то, что Уильям всего пару лет назад разменял третий десяток, он уже давно успел четко усвоить одну вещь – вежливость всегда делает людей более открытыми и готовыми помочь, а сейчас помощь была ему очень нужна. Поэтому он собрал волю в кулак и постарался как можно более учтиво начать разговор.

– Добрый вечер. – Уилл даже вынул руки из карманов. – Прошу прощения за беспокойство.

На этом гениальная дипломатическая речь закончилась, потому что он не продумал, как бы ненавязчиво поинтересоваться, можно ли выйти отсюда.

– Добрый вечер, – поприветствовал его собеседник. Голос у него был приятный, что внушало некоторое доверие. – Не это ищешь?

И он ловко достал откуда-то собственность Уилла – кошелек и телефон.

– Да! – обрадовался Уилл, мгновенно позабыв, что неплохо было бы спросить про выход. – Я потерял их. Я уж думал, все, с концами!

Он радостно протянул руку, чтобы забрать пропажу.

Но мужчина не спешил отдавать Уиллу его вещи. Вместо этого он достал из кошелька его университетскую карту и, прищурившись, стал изучать ее заднюю сторону.

– Уильям Шэллоубэй[2 - Англ: William Shallowbay. Фамилия Уилла – составная и образована из двух слов: shallow – «неглубокий», «мелководный» и bay – «бухта». Фамилия немножко говорящая и указывает на то, что он еще молод и многого не знает, а также на то, что он родился и вырос у моря, а точнее – у залива Пул (Poole Bay). Касательно реалистичности фамилии не ручаюсь – она выдумана, но существует множество британских фамилий, которые строятся подобным образом (Holloway, Greenwood, Bloomfield и пр.). К слову, на русском возможны как варианты написания с «э», так и версия с «е».], студент, – констатировал он, еще раз сверив фотографию на обороте карточки с лицом стоящего перед ним молодого человека. – Вроде все верно. Забирай.

Оценивающий взгляд продавца слегка потеплел.

– Спасибо большое! – Как только вещи попали к нему, Уилл поспешно запихнул их обратно в карман, словно боясь, что они растают в воздухе. – Да, это я. А вы кто? Ой, то есть я имел в виду, как вас зовут? – поспешно исправился он.

– «Кто ты?» и «Как тебя зовут?» – это два принципиально разных вопроса, так что, с твоего позволения, я выберу тот, который легче, – улыбнулся его собеседник. – Меня зовут Каде?р.

– Это что-то немецкое? – мигом полюбопытствовал Уильям.

– Нет. Скорее, что-то восточное.

– Ха, звучит здорово! А почему так? – не унимался изрядно осмелевший Уилл.

– Ну-у… Наверное, потому что родители так назвали, – пожал плечами Кадер. С такой логикой было сложно спорить.

– Понятно, – ничуть не расстроился Уильям. – Кстати, а почему вы обращаетесь ко мне на «ты»?[3 - Нужно принять во внимание то, что герои разговаривают на немецком. В немецком (в отличие от английского) существует разделение вежливого «вы» и простого «ты»: Sie – «вы», du – «ты».]

Да, тактичность – это было качество, Уиллу абсолютно чуждое. Он был от природы любопытен и при любом удобном и неудобном случае спрашивал обо всем, что его интересовало – будь то вес, возраст, подробности чьих-то отношений, количество денег в кошельке или цвет купленных на вчерашней распродаже носков. Его самого тоже было сложно застать врасплох подобными вопросами, поскольку он не находил в них ничего предосудительного.

– Потому что «вы» я оставляю для покупателей, а ты – ночной гость. Согласись, это ведь абсолютно разные вещи, – ответ Кадера озадачил Уилла уже во второй раз за последние пару минут.

– Кстати, ко мне тоже можно обращаться на «ты», – продолжил он, предупредив следующий вопрос.

Уилл кивнул. Он не любил фамильярности и всегда пытался перейти на простое и понятное «ты» в разговоре, поэтому такой исход его вполне устроил.

Кадер тем временем вышел из-за стола и потянулся.

– Ты ведь не местный? – поинтересовался он. – Откуда ты?

– Дорсет, Южная Англия, – ответил Уилл.

– И как тебе здесь? Скучаешь по дому? – участливо спросил продавец.

– Есть немного. – Уилл вздохнул. – Тут, как и в любой долгой поездке: все ужасно интересно, все в новинку, но порой тяжело, особенно когда один.

Кадер понимающе кивнул.

– И живешь один?

– Ага, на съемной квартире, – подтвердил Уилл.

Кстати, о квартире! Молодой человек внезапно вспомнил первоначальную цель своего визита в чайный магазин и решил, что с рассказами о себе пора заканчивать.

– Слушай, а не подскажешь, как отсюда выйти? – перешел в наступление Уильям. – А то все основные выходы для посетителей закрыты, и я не смог найти никого, кто бы меня выпустил.

– Подскажу, это совсем не проблема, – спокойно ответил продавец.

– А вот это, случаем, не выход? – Уилл резко повернулся и указал на небольшую дверь с левой стороны, памятуя о том, что именно через нее, судя по всему, вышла та светловолосая девушка.

В этот момент шнурки, которые он благополучно забыл завязать, пока бродил по нижнему этажу, сыграли с ним злую шутку – поворачиваясь, он наступил на них, запнулся и потерял равновесие. Но столкновения с маленьким шкафчиком, который был ближе всего к Уильяму, не произошло – у Кадера оказалась поистине молниеносная реакция и он успел схватить падающего за плечи.

– Не мельтеши, пожалуйста! – укоризненно посмотрел на него продавец. – Так ведь и шкаф на себя опрокинуть можно.

Уилл насупился и сел завязывать злополучный шнурок.

– Подожди минутку, – Кадер достал из-под прилавка предмет мебели, который Уилл мысленно окрестил «внебрачным сыном табурета и стремянки», – сейчас достану одну вещь.

Судя по всему, он не испугался и даже не рассердился.

Забравшись на табурет, можно было легко дотянуться до самых верхних полок, чем мужчина не преминул воспользоваться. Раз! – и ему в руку легла банка, стоявшая на самой верхней полке с краю: большая, непрозрачная, иссиня-черного цвета. Кадер даже не стал спускаться по ступенькам, а просто ловко спрыгнул, придерживая добытое локтем.

«Ничего себе уверенность, а я тут на шнурки наступаю, – мелькнуло в голове у Уилла – хотя он небось привык работать в месте, где куча всего бьющегося, вот и наловчился».

Банка приземлилась на стол, и Уилл уставился на нее. Это была одна из тех банок, на которых ему не удалось разобрать ни слова. В первые пару секунд у Уилла все еще не получалось сконцентрироваться, и ему казалось, что он видит какую-то несусветную белиберду из букв, но, моргнув, он, наконец, смог прочесть описание.

Этикетка гласила: «Чай со звездным сиянием». На ней были нарисованы звездочки и полумесяц, на свету отливавшие золотом.

«При болезнях, потере сил, апатии и тоске, а также чтобы быть немного счастливее» – успел прочитать Уильям, как вдруг банка плавно уехала у него из-под носа. Оказалось, она снова перекочевала в руки к Кадеру, который унес ее в другую часть магазина, где, громко шурша, стал пересыпать содержимое.

– А что это такое? – полюбопытствовал Уилл, кивнув на загадочную банку.

– Обычный чайный купаж. Смесь, если конкретней. – Кадер закрыл крышку и снова забрался на стремянку, водружая на место объект интереса Уилла. – Чай в основе, а еще – травы и фрукты.

Он взвесил мешочек, в который перекочевала часть содержимого банки, и удовлетворенно кивнул.

– Думаю, хватит, – продавец протянул пакет Уиллу. – Как придешь домой, завари и выпей.

– Э-э-э-э, – только и сумел выдавить Уилл, крайне удивленный таким поворотом событий.

– Не переживай, это бесплатно. Считай это подарком, – поспешил успокоить его Кадер. – Только не забудь выпить перед сном.

– Это что, угроза? – съехидничал Уилл.

– Это обычный дружеский совет. – Кадер тепло улыбнулся ему в ответ, и молодой человек, поколебавшись, протянул руку и принял подарок.

«Вот есть люди, которые улыбнутся и прям не по себе становится, – подумал Уилл, – есть те, кто улыбается фальшиво, и те, кто просто делает это слишком часто и не к месту, даже если приветлив по натуре. Но тут явно не тот случай». Все-таки улыбка у продавца была располагающей, что ни говори.

Сумки с собой Уилл не брал, поэтому ему пришлось запихать чай в карман куртки. Пока он возился с этим, Кадер подошел к той самой двери.

– Так, теперь о выходе. Я могу выпустить тебя здесь, – он вопросительно посмотрел на Уилла. – Это дверь не для посетителей, но не ночевать же тебе тут, в самом деле.

– Я согласен. – Уиллу было нечего возразить, он ужасно устал и хотел поскорее попасть домой, хоть и не имел ничего против чайного магазинчика. Он украдкой

потер глаза и подавил зевок.

– Тогда удачи. – Кадер аккуратно, будто бы случайно, коснулся рукой дверной ручки, и стрелка на его браслете-компасе легонько заколебалась впервые за вечер, но Уилл этого не заметил. – И не забудь про чай.

– Хорошо, – заверил его молодой человек, уже открыв дверь и придерживая ее рукой. – Спасибо за все! И доброй ночи!

– Доброй ночи! – Серые глаза продавца смотрели на место, где Уилл стоял буквально пару секунд назад. Он почесал нос.

«Неплохой парень» – подумал Кадер и направился за курткой. В конце концов, он тоже надеялся успеть попасть к себе и поспать.

Уилл вышел на задворках торгового центра и, сориентировавшись на местности, сразу же направился в сторону дома. Будь он чуть менее сонным и уставшим, он бы, возможно, задался вопросом – каким образом он, войдя в дверь на цокольном этаже, вышел на первом. Но это тоже проскользнуло мимо его внимания. Может, оно и к лучшему – иначе вряд ли смог бы нормально заснуть.

Внезапный подарок, конечно же, был засунут в дальний угол кухонного шкафа. «Вот еще, – подумал Уилл, – не хватало посреди ночи с чаем возиться! Тем более с доставшимся от незнакомого мужика! Мало ли что он туда подсыпал!»

Его сомнения были небезосновательны. Принцип «Доверяй, но проверяй» он выучил с детства. Да и как тут было не выучить – в его родном городке хватало всяких сомнительных личностей, которые активно предлагали запрещенные вещества подросткам и молодым людям. Полиция боролась с ними, но полностью искоренить проблему так и не удалось. Уилл о многом слышал и сам многое повидал за время учебы и студенчества, поэтому старательно избегал всего подозрительного. Конечно, чай не выглядел как вселенское зло, да и Кадер не тянул на алчного наркоторговца, но чем черт не шутит, лучше было не пробовать.

Поэтому помятый мешочек был заброшен подальше вместе с идеей пойти в душ, и единственное, на что Уильяма хватило перед сном, – дойти до кровати и раздеться. Сбросив тапочки по пути, он обессиленно рухнул лицом в подушку.

Засыпая, он вдруг вспомнил, что забыл шапку на скамейке в торговом центре.

– И черт бы с ней! – отмахнулся Уилл и провалился в сон.

Глава третья,

в которой упоминаются кактусовые коты и приходят нежданные гости

Не спеши никого осуждать,

Если ты болен, слаб и не нужен.

Ночью с неба сорвется звезда

И останется искоркой в кружке.

О, это долгожданное воссоединение с кроватью и одеялом после тяжелого дня и не менее тяжелой ночи! Стоит лишь коснуться щекой подушки – и ты уже свято веришь в то, что впереди тебя ждет долгий и здоровый сон, который обеспечит бодрое пробуждение на следующий день. И ведь мы попадаемся на эту удочку вновь и вновь! Засыпаем на стыке тьмы и утра, полные надежд, а просыпаемся к вечеру, пытаясь вспомнить, что происходило вчера, какой сегодня год, на какой мы планете живем и что наши тапочки делают на подоконнике. Или в мусорном ведре. Или в посудомойке.

Вот и сейчас Уилл ощутил на себе этот парадокс в полной мере. Вроде бы спал немало и крепко, а ощущение было такое, будто по нему проехались один за другим все участники знаменитых сассекских гонок на газонокосилках[4 - Да, такие существуют на самом деле.]. Вдобавок левое плечо противно зудело. Он почесал его и попытался восстановить в памяти события прошлого вечера: прогулка, потерянные вещи, запертые двери торгового центра… Вообще, его лимит дурацких происшествий был исчерпан еще в середине недели, но после

вчерашнего ушел в минус еще и баланс терпения, так что Уилл серьезно вознамерился остаться дома на весь день. Займется недоделанной работой, может, даже начнет читать какую-нибудь книгу – он ведь себе это еще месяц назад обещал.

Он прошелся ладонью по клавиатуре ноутбука. Экран зажегся, предлагая ввести пароль, а цифры в нижнем углу сообщили, что уже четыре часа пополудни.

«Я продрых больше двенадцати часов! Ненавижу, когда просыпаешься помятый! Чувствую себя кексом, на котором сидели перед тем, как достать его из рюкзака, – Уилл поморщился. – И отчего же так чешется спина?»

Извернувшись, он достал рукой до лопатки и провел по ней ногтями. Спустя пару секунд он понял, что чувствует на кончиках пальцев что-то мокрое и немного липкое.

Бросив попытки набрать второй рукой пароль на ноутбуке, Уилл рванул к зеркалу. На спине в нескольких местах обнаружилась сыпь, внешне напоминающая волдыри. Один из них оказался содран при последней попытке почесаться.

Уилла передернуло от отвращения. После пары минут метаний по комнате он помчался обратно к ноутбуку, чтобы проверить свои предположения относительно возможного происхождения мерзкой сыпи.

Пытаться выяснить в Интернете что-либо по поводу заболеваний – дело крайне опасное. Может случиться так, что ситуация не прояснится, а вот воображение еще долго будет рисовать вам ужасные картины из будущего, где ваша простуда оказалась неизвестным вирусом, принесенным из глубин Африки, а вы ведь даже не успели написать завещание!

Результат поисков Уилла оказался примерно похож на описанный выше. Некоторые сайты советовали сразу лечь в больницу, а некоторые – лечь и умереть. Тем не менее после нескольких просмотренных форумов и статей он укрепился в своем подозрении – судя по всему, каким-то образом ему удалось заразиться ветряной оспой.

Добиваться визита врача на дом не было смысла – все стандартные вызовы принимались только в утренние часы. Самому отправляться в клинику Уиллу тоже не хотелось, звонить в скорую – тем более. Твердо решив, что позовет доктора на следующий день, он отбросил все помыслы о том, чтобы нормально поработать, и с чувством легкой паники то смотрел видео, то таращился в окно.

Желание чесаться усиливалось прямо пропорционально количеству новых появляющихся красных пятен. Вечер, тревожный и темный, прошел как-то смазанно, словно его и не было, а ночь оказалась и того хуже. Поначалу Уилл упорно не мог заснуть из-за неистовой жажды пойти и расчесать себе спину о дверной косяк, а потом к этому добавились резко повысившаяся температура и лихорадочное состояние. Теперь ни о каком сне уж точно не могло быть и речи – метавшемуся по кровати Уиллу то казалось, что стеллаж у стены сейчас вот-вот упадет, то чудились бесформенные рыжие отблески за окном. Порой ему даже хотелось выть от собственной беспомощности и вселенской несправедливости, но на это не было сил, поэтому он молча зарывался лицом в подушку.

К утру ему немного полегчало. Температура отступила, кошмары ушли, и Уилл, собравшись с силами, сделал долгожданный звонок. Ему несказанно повезло – ждать пришлось недолго, и через несколько часов он услышал то, что предположил еще прошлым вечером, – у него ветрянка. Получив список инструкций и лекарств и немного успокоившись, он попрощался с доктором и даже смирился с тем, что он застрял в стенах своей квартиры еще как минимум на пару-тройку недель. Наконец-то ему пригодятся все распиханные по шкафам и холодильнику запасы еды. Мать с отцом шутливо звали Уилла Хомяком за эту привычку – притаскивать из магазина больше продуктов, чем нужно, и даже пытались бороться с излишним энтузиазмом сына, но безуспешно.

После довольно позднего завтрака Уильям поначалу собирался решить проблему с лекарствами, но в итоге понял, что ему просто необходимо попробовать поспать, особенно после беспокойной ночи.

Сон был неглубоким и рваным. Несмотря на это, из-за усталости и болезни Уилл не реагировал ни на шум за окном, ни на возню за дверью. Не проснулся он и когда кто-то вошел в квартиру, пошептался со спутником, оставшимся в коридоре, и вскоре вышел, аккуратно закрыв за собой дверь.

А вот раздавшийся спустя некоторое время звонок возымел действие, и ветхая лодочка сна, на которой Уилл путешествовал по реке сновидений, отправилась ко дну, а больной нехотя сполз с кровати, натянул одежду и пошел смотреть, кого же там принесла нелегкая.

Положив руку на дверную ручку, он решил поинтересоваться, кто стоит в коридоре и зачем он там находится. Но не успел Уилл открыть рот, как дверь резко распахнулась, а сам ошарашенный молодой человек чуть не выпал за порог. Восстановив равновесие, он наткнулся взглядом на продавца из давешнего чайного магазинчика.

– Доброго вечера! – лицо Кадера выражало классическое спокойствие вперемешку с доброжелательностью, и даже тот факт, что Уильям был покрыт сыпью с головы до ног, судя по всему, не испугал нежданного гостя.

У Уилла отвисла челюсть. Вот уж кого он точно не ожидал увидеть у себя в дверях. Кроме того, самочувствие все еще не давало ему возможности быстро реагировать на происходящее, поэтому выразить свое отношение к ситуации он смог только после продолжительного молчания, и то максимально кратко.

– Ч-что? – выдавил из себя Уилл.

– Здравствуй, – попробовал изменить подход к делу Кадер. – Выглядишь неважно, значит, не зря я решил тебя навестить.

Он сочувственно глянул на парня и продолжил:

– Можно мы войдем?

«Мы?» Уилла бросило в пот. Кого еще там притащил этот подозрительный мужик? Но вслух он задал другой вопрос, который интересовал его не меньше:

– Откуда ты знаешь мой адрес?

– У тебя в кошельке была заметка с ним, – пожал плечами Кадер. – Я переписал его себе на тот случай, если бы ты не пришел за пропажей и мне пришлось бы искать тебя лично.

Это звучало правдоподобно. «Не забудь сообщить всем близким свой адрес и сам выучи его как можно скорее» – напутствовала его мать перед отъездом. Уилл записал район, улицу и номера дома и квартиры на бумаге и в телефоне, чтобы не забыть. Адрес-то он в итоге выучил, а вот записку так и оставил валяться в кошельке, где она, по всей видимости, и была обнаружена Кадером. Надо будет порвать и выкинуть эту бумажку.

Задумчивое молчание Уилла, вспоминавшего о листке с адресом, было расценено как согласие, и Кадер уже занес ногу над порогом, собираясь войти.

– Минуточку! А тот факт, что у меня ветряная оспа, тебя не волнует? – ошарашенно пробормотал Уилл.

– Не-а, – Кадер покачал головой. – Это же не заразно.

– В смысле?! – взвизгнул Уилл. – Еще как заразно!

– Он имел в виду, что это не страшно, потому что мы привитые, – вмешалась в разговор спутница Кадера. Уилл, мигом отреагировавший на второй голос, отпустил дверную ручку и высунулся в коридор. Даже с температурой и почти без сил он не изменял своему любопытству.

– Да, прошу прощения, оговорился, – смутился продавец. – Спасибо, Эсси.

– Ага, значит, Эсси, – пробормотал Уилл себе под нос, в то время как Кадер, воспользовавшись тем фактом, что дверь осталась открытой, просочился в квартиру.

Девушка, которая находилась в ту ночь в чайном магазинчике – а это была именно она, – смотрела на Уилла светло-голубыми глазами, сложив руки за спиной. Из-под курточки виднелся узорчатый шейный платок, золотистые волосы были заплетены в косичку под названием «рыбий хвост», перекинутую через правое плечо. Уилл с удивлением отметил, что еще помнит название подобной прически. Этим он был обязан своей десятилетней сестренке Кэтрин – она упорно хотела стать парикмахером все прошлое лето, и семье приходилось слушать про разные стрижки недели напролет, а Уилл шутливо изображал благоговейный ужас всякий раз, когда проходил мимо стены у ее кровати, увешанной модными фотографиями из Интернета.

Эсси тихо поздоровалась. Ее голос вернул больного к действительности, и он снова взглянул на нее. Ростом чуть ниже Уилла и, по всей видимости, ровесница Кадера, она явно была не в восторге от сложившейся ситуации и чувствовала себя неуютно. Уилл немного смутился и поприветствовал Эсси в ответ.

– Вы чего в коридоре стоите? – поинтересовался Кадер из-за двери, призывно махнув рукой. Уилл нахмурился, но спорить не стал.

– Так и быть, заходите, – смилостивился молодой человек, всем своим видом давая понять, что это исключительно его решение и его квартира (во всяком случае, пока он за нее платит). В глубине души ему все это ужасно не нравилось.

Быстро разъяснив, где вешалка и ванная, Уилл закрыл дверь и поплелся на кухню, пытаясь вспомнить, что можно предложить гостям. Распахнув сразу несколько шкафчиков, он бросился лихорадочно соображать, что из их содержимого поможет ему в данной ситуации. Потянулся, чтобы почесать затылок, и тут же отдернул руку, вспомнив, что чесаться ему категорически нельзя.

Сделав шаг назад, молодой человек наткнулся спиной на Кадера, осматривавшего кухню.

«Вот ведь вездесущая зараза! – выругался про себя Уилл. – Как он ухитряется так быстро и бесшумно передвигаться?»

– Ты тогда еще и шапку потерял, между прочим, – вскользь заметил Кадер. – Мы и пришли-то, собственно, чтобы ее вернуть. Я в коридоре на комод положил.

– О, – поблагодарил его молодой человек, – спасибо!

Уилл понемногу остывал по мере того, как неожиданный визит стал обрастать вполне логичными подробностями. Но оставалась еще одна проблема – показать себя радушным хозяином трудновато, когда тебе стоило бы лежать в постели и пить лекарства. Хорошо, что есть одна проверенная фраза, которая веками служила нашим предкам и также исправно послужит нашим потомкам. Уилл немного помолчал, после чего произнес ее – два волшебных слова, почти заклинание:

– Может, чаю?

– Хорошая идея, – одобрил Кадер. – Кстати, ты пробовал тот, что я тебе дал?

– Не-а, – протянул молодой человек.

– Тогда его и заварим, не возражаешь?

Уилл, может, и возразил бы, но сейчас ему не хотелось спорить. Злость на внезапное вторжение прошла еще не полностью, но, с другой стороны, ему было приятно, что его навестили, пусть и случайно. Инициативный Кадер тем временем уже поставил воду, после чего занял его место у шкафа и стал придирчиво изучать посуду.

– Да что ж такое! – сокрушался он. – Ни одной нормальной кружки в этом доме!

– Что ты подразумеваешь под «нормальной»? – живо поинтересовался Уилл.

– Красивую. Или душевную. Или странную, но любимую. Да почти любую, лишь бы не одну из этих безликих белых клонов, продающихся в ближайшем супермаркете со скидкой, – хмыкнул мужчина, разглядывая содержимое шкафчика. – Ну, хотя бы такая есть.

И он достал с полки фиолетовую кружку, купленную Уиллом в первые дни приезда. Она отличалась от остальных обитателей шкафа только цветом, но лучшей альтернативы не было. Уилл потянулся за чайником, чтобы наполнить ее.

– Но-но-но, – Кадер отодвинул чайник на другой край стола. – Он довольно долго заваривается.

Время ожидания, как водится, провели за дружеским разговором. Эсси удалось успокоить Уилла насчет болезни, рассказав, что у нее были знакомые, попадавшие в такое же положение, но все они выздоровели без всяких осложнений. Кроме того, все трое сошлись на том, что Венский лес – чудесное место, особенно летом и весной. После этого один неосторожный вопрос Уилла повлек за собой небольшую лекцию о заваривании чая в исполнении Кадера,

из которой Уильям на следующий день смог вспомнить только виды заварочных чайников и смешное слово «камарбарики»[5 - Восточные стаканы для чая, они же – армуды, бардаки или богмалы. В некоторых странах их также иногда называют «тюльпанами».]. Он собрался было еще что-то спросить, но вдруг обнаружил, что рассказчик не терял времени даром и все чашки уже наполнены ароматным горячим напитком.

– Мне кажется или он, э-э-э… темно-синий? – разволновался Уилл, взглянув на содержимое кружек. – А вкус там не слишком специфический?

– Нет, ничего сверхъестественного, – заверил его Кадер.

– А еще он немного собьет тебе температуру и поможет легче заснуть ночью, – добавила Эсси.

Это звучало многообещающе.

Оба гостя уже успели отпить из своих чашек. «Значит, подвоха с составом нет, – сделал мысленный вывод Уилл, – а по поводу цвета – ну и ладно, бывает же синий чай, я не раз о таком слышал».

Тем не менее он все еще не мог заставить себя взять чашку в руки.

– Ну перестань, я же тебе не кактусового кота гладить предлагаю! – попытался усовестить его Кадер.

– Кого? – искренне удивился Уилл.

Во взгляде его собеседника промелькнуло беспокойство – будто он сболтнул лишнего, но это осталось незамеченным.

– Кактусового кота. Это шутка такая, – пояснил Кадер.– Суть в том, что если представить себе гипотетического кактусокота, то он будет милым, но ужасно колючим. Он вроде как кот, но при этом – кактус. Поэтому гладить его не стоит. А вот насчет чая ты зря беспокоишься.

Уилл не нашел, что сказать, но, видимо, его вытянувшееся от недоумения лицо красноречиво выразилось за него.

– Не бери в голову, – махнула рукой Эсси.– Эти его шуточки всегда жутко странные. Со временем привыкаешь.

Уилл в очередной раз засомневался в том, стоило ли вообще впускать этих двоих. С другой стороны, Эсси обещала, что ему полегчает, а повторять вчерашнюю ночь с кошмарами уж точно не хотелось. Поэтому, понадеявшись на лучшее, он аккуратно протянул руку за чаем. Боясь расплескать, потому что к вечеру силы вновь начали таять, молодой человек с опаской заглянул в кружку.

В темной, цвета ночного неба жидкости то там, то тут вспыхивали крошечные звезды. Пахло мятно-росистой прохладой и апельсиновыми леденцами. Кружка в его руках была горячей, почти обжигающей, но жара от самого напитка не чувствовалось, лишь легкое тепло. Словно отголоски летних вечеров, когда солнце становится рыжим и уже совсем не страшным. Одно неосторожное движение – и небо подернулось дымкой, превратившись в светлый чайный отвар, где плавали звездочки из апельсиновой кожуры, которые дети так любят вырезать на новогодние праздники.

Зажмурившись, Уилл с опаской попробовал напиток. Чай оказался удивительно свежим, с ярким вкусом лимона и малины. Он поморщился:

– А звезды-то нынче кисловаты…

– Что есть, то есть, – улыбнулся Кадер. – Пей давай.

Уилл поначалу пил маленькими глотками, но потом распробовал и довольно быстро опустошил свою кружку. Отодвинув ее на середину стола, он решился в очередной раз полюбопытствовать:

– А что это было в самом начале?

– Ты о чем? Об апельсиновых звездочках? – вопросом на вопрос ответила Эсси. – Да, их обычно не ожидаешь увидеть в чае. Они здесь для красоты, вкуса

и аромата. Я их очень люблю.

Увидев в ее глазах искренность и легкое недоумение, Уилл пошел на попятную.

– А, так это апельсин! – отозвался он, а про себя подумал: «Значит, это были интоксикационные галлюцинации. Доктор сказал, они могут встречаться у болеющих ветрянкой взрослых. Ужас какой»[6 - У взрослых людей такая болезнь, как ветряная оспа (она же ветрянка), действительно может сопровождаться легкими галлюцинациями и бредом. Это связано, во-первых, с высокой температурой на начальной стадии (особенно по ночам и под вечер), а во-вторых, с тем фактом, что в организме накапливаются токсины в волдырях.].

Посиделки, несмотря на его опасения, не затянулись надолго. Коробка с брусничным печеньем, про которую Уилл вспомнил в середине чаепития, опустела, чему он был крайне рад. Так радуются те, кому удалось сбагрить соседу свою миску с непонравившимся супом – вот, дескать, я все-таки взял ее не зря!

После двух-трех чашек чая гости вежливо поблагодарили его и ушли собираться. Эсси даже помыла посуду, несмотря на попытки Уилла возразить – он-то привык строить из чашек и тарелок Эйфелевы башни, которые потом превращались в Пизанские, после чего, наконец, отправлялись в посудомойку.

– Спасибо, что зашли, – выразил благодарность Уилл, пока его новые знакомые неторопливо одевались. – И за шапку спасибо. И за то, что вы ненадолго, – я пока просто не в состоянии тусоваться весь день.

– Мы и не собирались долго тебя мучить, – успокоил его Кадер. – Тебе выздоравливать надо.

– Ты чуть не забыл! – прервала его Эсси, открывая небольшой темно-зеленый рюкзачок, который она предусмотрительно оставила в коридоре после того как вошла.

– Ай, точно! – согласился Кадер и кивнул на пакет, который Эсси достала из рюкзака и протянула Уиллу. – Возьми, пригодится.

– И что там на этот раз? – недоверчиво проворчал молодой человек, медленно разворачивая пакет. – Я, если честно, не люблю, когда мне подсовывают всякие странные вещи.

– Лекарства – это не странные вещи, Уилл, – мягко сказала Эсси. – Все равно ты бы в таком состоянии в аптеку не пошел, а просить знакомых или соседей – дело сложное.

На коробочках, лежавших внутри пакета, и вправду обнаружились названия из списка, что был составлен врачом. Уиллу вдруг стало ужасно стыдно за то, что он сердился на них и подозревал в чем-то. Нетерпеливое ожидание грядущего возвращения в постель сменилось горячей признательностью. Но когда он, наконец, полностью осознав произошедшее, бросился их благодарить, Эсси уже открыла дверь.

– Подождите, я же должен вернуть вам деньги! – засуетился Уилл. – Сейчас сбегаю!

– Не ищи, – остановил его Кадер. – Когда выздоровеешь, заглянешь ко мне в магазин и отдашь, если все еще будет желание.

– В смысле «будет желание»? – оскорбился Уилл. В этом отношении он был предельно честен и не любил быть кому-то должен. Кадер лишь многозначительно пожал плечами в ответ.

– Конечно же, я приду и верну, – отрезал молодой человек, – как только меня с больничного выпишут.

– Договорились. Удачи тебе и выздоравливай скорее, – улыбнулась Эсси.

Уилл пожал Кадеру руку – теплую, точно нагретый утренним солнцем песок. Прозвучали слова прощания, хлопнула дверь. Спустя пару минут Уиллу, наконец, удалось схватить за хвост одну из своих убегавших мыслей, и, поняв, что случилось, он медленно опустился на стоявший в коридоре пуфик и застонал.

* * *

А на улице Эсси ворчала на своего спутника. В ее голосе не было ни неодобрения, ни осуждения, лишь легкий дружеский упрек:

– Вот что ты пристаешь к людям? Сначала звездный чай ему подарил, а потом еще и меня в это втянул.

– Все, все, больше не буду, – мягко успокаивал ее Кадер. – Что могли, мы сделали. Он выздоровеет, все будет в порядке. А потом, если ему захочется – сам заглянет. Может, он даже все поймет.

– Может, и так. В любом случае, это на твоей совести, – поспешила уйти от ответственности Эсси, – как и та пожилая женщина пару недель назад, с которой ты около часа проболтал.

– Как видишь, я ей не шибко понравился, раз не зашла снова. Ну так мне же не жалко, – ничуть не смутился ее собеседник.

– Ей ты тоже что-то подарил?

– «Ветер дальних странствий». Чтобы не так тосковала по местам, которые ей грезятся. А может, она даже соберется и съездит туда. Мечты ведь должны сбываться.

– Кадер! – в глазах Эсси вспыхнули веселые искорки. – Ты просто ужасный, невыносимый тип!

Он поймал ее взгляд, в котором смешались восхищение и предостережение.

– Эй, не волнуйся. Сама знаешь, это наиболее простое колдовство из всех, оно не запрещено и не осуждается. А если я могу порой помочь кому-то и мне это почти ничего не будет стоить, так отчего ж не попробовать?

– Дело твое. Я даже не могу с тобой поспорить, – вздохнула Эсси. – Только не наломай дров, пожалуйста.

Он кивнул. Звуки их шагов растворялись в шуме вечерних улиц. Пахло сыростью и переменами.

* * *

Тем временем Уилл, проведя все необходимые процедуры, пытался заснуть. Безуспешно. Его нестерпимо мучал один вопрос, озаривший его после ухода гостей: каким образом они купили ему все по списку, если не могли знать, что он болен? И откуда взяли сам список, да еще и вместе с рецептами врача?

Ни одного логичного объяснения на этот счет ему придумать не удалось, и это его невероятно злило. Он прокручивал в голове события в надежде вспомнить что-то, что могло бы пролить свет на произошедшее. Вот раздается звонок, Уилл выходит из комнаты и собирается выяснить, кто же пришел. Он облокачивается на дверную ручку, Кадер открывает дверь…

Минуточку!

Каким образом Кадер мог открыть закрытую дверь? Уилл точно помнил, что запирал ее, провожая доктора. Или не запирал?

Неужели у него провалы в памяти? Это болезнь так плохо на него влияет? Может, тогда не надо возвращаться в чайный магазинчик и вообще следует держаться от этой странной парочки подальше?

Мучимый этими вопросами, он и сам не заметил, как заснул. Армия лихорадочных кошмаров была побеждена объединенными усилиями лекарств и чая. Барабанил дождь, город встряхивался, словно промокший кот, за тяжелыми осенними облаками скрывались звезды.

Прямо как в чашке.

Глава четвертая,

в которой Эсси прибегает к крайним мерам

И легенды не так неправы,

В коих девы и Рейн бурлящий.

Подойди лишь к проблемы краю —

Непременно на дно утащит.

Поздние осенние дни накрыли город серым одеялом, набитым толстым слоем неосуществленных планов и сухих листьев. К Уиллу снова заглядывал доктор, после чего ему разрешили выходить самому – период распространения инфекции закончился, и он был уже не опасен для окружающих. Однако молодой человек не горел желанием пользоваться вновь обретенной свободой – погода не располагала к долгим прогулкам, да и скопившиеся за прошедшее время задания требовали уделить им хоть чуточку внимания. Уилл, правда, и их игнорировал с отчаянной самоотверженностью.

Благодаря подобному образу жизни, заключавшемуся в лежании на диване со страдальческим лицом, периодическому бегу на короткие дистанции (из комнаты на кухню) и марафонским забегам в магазин и аптеку, у Уилла появилось достаточно времени, чтобы успеть несколько раз обдумать все странные особенности неожиданного визита Кадера и Эсси. К списку его подозрений добавилось, наконец, и осознание того, что в ту памятную ночь он вышел в дверь на подземном этаже, а она при любом раскладе не могла вести на улицу.

Он исписал несколько листов своими предположениями, но так и не пришел к окончательным выводам. Все его догадки казались жалкими и не давали спокойно спать. Радовало только одно – ночное небо в чашке больше не появлялось. Чай и вправду оказался синим, с сушеными цитрусовыми звездочками, но не более того.

Уилл любил загадки и поиск ответов, любил собирать информацию – читая, анализируя, интересуясь, даже подслушивая. Не сплетен ради, а чтобы иметь полноценное представление о том или ином явлении. Он с удовольствием участвовал в квестах, требовавших решения неординарных задачек, писал

заметки в телефоне и блокноте и увлеченно сшивал из лоскутков фактов одеяла гипотез, пусть они далеко не всегда получались с первого раза. Но, несмотря на интерес к вещам подобного рода, нынешняя ситуация нисколько его не радовала – все гипотезы были чрезвычайно шаткими, и, кроме того, ему было нечем их подтверждать.

Поэтому больше всего Уиллу хотелось просто услышать какое-нибудь логичное объяснение произошедшему, пусть даже это и заставило бы его чувствовать себя круглым дураком. Пусть он был бы во всем неправ, пусть Кадер оказался бы ворюгой с набором отмычек, пусть он заметил бы, что Уилл болен ветрянкой, еще той ночью в торговом центре. И тогда уже наплевать на шутки про кактусовых котов и уклончивые фразы! Кто бы чем ни тешился, как говорится, лишь бы его это не касалось.

Но в данном случае происходящее касалось его напрямую.

Кроме того, самое логичное объяснение уже рассыпалось в прах: Уилл спросил доктора, не обсуждал ли он с кем-то его болезнь после первого визита. Ответ последовал отрицательный. Значит, Кадер и Эсси не могли разузнать от него про лекарства. Но что же тогда?..

Как же остро порой люди реагируют на все, что не поддается логике!

До того, как Уилл получил окончательную выписку с больничного, он колебался в своем решении снова зайти в чайный магазин. Но желание проверить имеющиеся предположения и получить хотя бы крупицу объяснений все же взяло свое. Тем более он все равно обещал вернуть Кадеру деньги. «Предрассудки – предрассудками, а порядочность прежде всего. В конце концов, они не сделали мне ничего плохого» – убеждал себя Уилл.

Если бы он только мог представить, куда приведет его любознательность!

* * *

Стрелки часов медленно ползли по кругу, приближаясь к обеденному времени. Эсси Хаас страшно нервничала.

Она бросала на часы косые взгляды, заламывала пальцы и никак не могла сосредоточиться на работе. Это обязательно надо было сделать сегодня. Так не хотелось тревожить Кадера, учитывая то, что у работающих на себя понятие «обеденный перерыв» является крайне эфемерным, а порой и вовсе несуществующим. Вполне может статься, что она отвлечет его от важных дел…

Нет! Хватит, этот разговор и так срывался слишком много раз.

Поначалу она сама откладывала его. Потом, в назначенный вечер, один из посетителей припозднился настолько, что оказался заперт вместе с ними в торговом центре и помешал Эсси изложить проблему, спутав все планы одним лишь своим присутствием. Ох уж этот Уилл! Нет, Эсси ничего не имела против него – он был жизнерадостным, милым и неглупым пареньком, но как же не вовремя он там оказался! Потом еще и Кадер устроил эту эпопею с чаем и лекарствами. Она ведь говорила ему: «Осторожней, порой даже искреннее желание помочь может обернуться против тебя». Интересно, придет ли Уилл после выздоровления с чередой новых вопросов? А если еще и задаст их правильно? Эсси чуяла, к чему это может привести. «Только новых проблем не хватало!» – подумала она, вздохнув и спрятав лицо в ладони.

Эсси часто случалось беспокоиться по мелочам и переживать на пустом месте, но в этот раз ее паника была вполне оправданна. Это снова произошло.

Осень у Эсси с самого начала не задалась. Пара гневных звонков от матери с осуждением ее образа жизни открыла сентябрь, как высокопоставленные личности открывают серьезные церемонии. Но это все была лирика, пара случайных чаинок в кружке – прожевал и не заметил. А потом, словно номера на торжественном концерте, посыпались они – призрачные угрозы от неизвестного адресата.

Поначалу она приняла это за шутку, глупую и несуразную, но за первым письмом последовали второе и третье – все они были отправлены на ее адрес в родном городе. Белые конверты со сложенным вчетверо листком внутри. Эсси подошла к решению проблемы оригинальным способом – перестала ездить домой. По крайней мере, до конца осени.

Обдумав ситуацию, она решила рассказать о случившемся Кадеру. Она даже всех охранников ради этого разговора спровадила на верхние этажи, чтобы им

точно никто не помешал! И на камерах бы их не заметили, она и об этом позаботилась.

Но судьбе было угодно распорядиться иначе, не дав осуществить задуманное. После визита к Уиллу Кадер с головой ушел в работу, а Эсси успокоилась и поверила, что все утихло. Поначалу так и правда казалось – пара недель прошла гладко, а дожди успокаивали и дарили надежду. До вчерашнего вечера.

Четвертое письмо пришло в ее небольшую квартирку в Вене. Емкая и четкая формулировка. Если вкратце: «Уезжай из этих краев и больше не возвращайся. Пока это лишь совет. Но если ты ему не последуешь – мы найдем способ тебя заставить».

Это уже не было похоже на розыгрыш. Это вообще не должно было происходить. Какая-то ошибка, сбой в мировой системе. У Эсси никогда не было врагов. И самое главное – она вообще не представляла, что делать. Не в полицию же идти. Там люди. К ним можно обратиться, если у тебя на вокзале стащили твой любимый рюкзак с котятами или если тебя во время похода в пиццерию сбил неосторожный велосипедист. Но никак не по поводу записок с угрозами – они содержали информацию, которую людям показывать было нельзя ни в коем случае. Единственный выход, как ей казалось, состоял в том, чтобы разделить ответственность с другим. Переложить этот липкий страх на чужие плечи. Хотя бы частично. И у нее уже был кандидат.

А если он не согласится?

Нет, исключено. Отказ не прозвучит. У него попросту не будет выбора. Он сам так решил больше года назад. Он дал слово, и теперь – пусть держит его.

Так Эсси решила утащить в омут своих проблем того, кто не имел к этому отношения, – ради собственного спокойствия и уверенности. Ей хотелось бы точно знать, что все происходящее не стоит нервов и не несет опасности, но будущее – зеркальная озерная гладь – было темно и тревожно.

Эсси Хаас было страшно.

* * *

По торговому центру бродили небольшие группы людей – вполне обычная ситуация для середины рабочего дня. Эсси не была любительницей бегать, но желание побыстрее разрешить хотя бы часть проблемы гнало ее вперед, и она непроизвольно ускоряла шаг. Вот уже и цокольный этаж, и спустя пару поворотов вдалеке показалась заветная вывеска. Дверь, как и ожидалось, была распахнута, но даже без этого через стеклянную часть стены Эсси увидела то, чего она так опасалась.

В чайной лавочке был Уилл.

Судя по оживленному разговору, он находился там уже довольно давно. Кадер держался как обычно – учтиво и непринужденно, но одному ему было известно, что он успел там наговорить. Очередное упоминание кактусовых котов было в этом случае меньшим из зол.

Вот Уилл кивнул, они пожали друг другу руки и попрощались. Эсси столкнулась с ним на входе – молодой человек приветливо улыбнулся и поздоровался, после чего бодрым шагом направился к эскалатору, ведущему наверх.

Ладно. Про него Эсси потом спросит.

Она постаралась привести мысли в порядок и вошла в магазинчик, аккуратно прикрыв за собой дверь. Она захлопнулась не полностью, оставив небольшую щель, но девушка не придала этому значения.

– Здравствуй! – Кадер, заметив ее, вскинул руку в приветственном жесте. – Я смотрю, день сегодня такой – всем нужно поговорить.

И добавил чуть тише:

– Что-то случилось? На тебе лица нет.

– Нет, ничего, – по привычке отозвалась Эсси, боявшаяся делиться проблемами, но тут же осеклась на полуслове, проглотив вставший в горле ком, и добавила: – Да. Случилось.

* * *

Чай – это ключ к решению любой проблемы. Ну, или не совсем. Но с кружкой чая в руках твоя проблема перестает быть такой уж страшной, ведь так?

Данному принципу последовал Кадер, усадив Эсси на припрятанный в углу магазинчика стул и спустя некоторое время вручив ей большую чашку с обещанием, что это поможет ей успокоиться.

Эсси была знакома с Кадером не первый год, поэтому сразу догадалась, что намечается что-то необычное. Эх, а ведь в первый раз она удивилась почти так же, как Уилл несколько недель назад! Да и до сих пор каждый незнакомый вид чая был для нее маленьким приятным событием.

В чашке, как только она взяла ее в руки, буквально за пару мгновений выросли цветы – пестрое разнотравье. Эсси ахнула.

– Ой, да тут целый альпийский луг! Маки, клевер, ромашки! И пахнет ветром и солнцем! – она мечтательно зажмурилась. – Только вот…

– Что?

– Луговые васильки обычно другого цвета, – вежливо заметила Эсси.

– Ну, во всяком случае, я пытался, – Кадер выглядел смущенным. – Я тут всего третий год живу, а в пустыне таких не росло. В цветочной лавке летом похожие видел, в оранжерее тоже. Хотя вот ты сейчас сказала, и я вспомнил, что и синие встречал. Почему-то не подумал о них. Прости.

– Нет-нет, все замечательно! – поспешила успокоить его Эсси. – Спасибо тебе огромное! Белые васильки тоже существуют, просто они более редкие.

– Ну ладно, тогда будем считать, что так я и задумывал, – выкрутился Кадер.

– Вот до сих пор не понимаю, и охота тебе каждый раз заморачиваться над этим ради других? Все эти твои «чаи по случаю» – это же отнимает кучу времени! – недоумевала она.

– Мне это нравится – создавать простые вещи, которые могут кому-то немного помочь. Ты же делишься с другими булочками и кексами каждый раз, когда их печешь?

– Да, делюсь, не спорю. Но это еще и потому, что в одиночку я все равно все не съем. И кстати, я, в отличие от тебя, не применяю магию к своим пирогам! – укоризненно сказала Эсси.

– Да брось, по-моему, любая возня с выпечкой – это автоматически колдовство! – хитро прищурился Кадер.

Эсси смутилась и покрепче вцепилась в свою кружку, будто та пыталась от нее убежать. Тепло приятно согревало пальцы, похолодевшие от переживаний.

«Ужасное чувство, ничего не могу с ним поделать. На душе словно скребут кошки. Те самые кактусовые кошки, колючие и сердитые», – промелькнуло у нее в мыслях.

– Ну, рассказывай, – Кадер облокотился о стол, готовый слушать.

– Я… Я даже не знаю, с чего начать, – сбивчиво пробормотала она.

– Времени у нас немного, – оценил ситуацию Кадер, – в моих краях в таких случаях говорят: «Давай к сути дела, а расшивать золотом ковер будем в следующий раз».

В краях, откуда он был родом, все явно были не прочь ввернуть какую-нибудь сомнительную фразочку по любому поводу – Эсси уяснила это довольно давно, привыкла к ним и даже научилась немного их расшифровывать. Как говорится, попав в пустыню, песку уже не удивляешься. (И откуда только в ее голове взялась эта глупая присказка? С кем поведешься, как говорится… Ай, ну вот, опять!)

– Мне нужна помощь. Мне угрожают, – она попыталась говорить уверенно, но голос звучал отстраненно и безэмоционально, словно бы ей не принадлежал.

С кратким изложением ситуации Эсси явно справилась на отлично. Так мало слов – а сколько вопросов и страшных мыслей! Воцарилось неловкое молчание.

Кадер внезапно помрачнел. Оно и понятно – одно дело пить с кем-то чай и разговаривать о насущном, когда у всех хорошее настроение и нет никаких беспокоящих проблем. Но когда у тебя просят помощи, попадают в серьезную беду… Кто из нас хотя бы раз не задумывался, не ловил себя на предательской мысли: «А надо ли оно мне? Стоит ли?»

Он еще не знал, что выбирать ему не придется.

– Кто? На это вообще есть причины? – бросился задавать вопросы Кадер.

– В том-то и дело, что я не знаю! – всплеснула руками Эсси. – Письма написаны не от руки, на них нет штампов, нет обратного адреса!

– Так. Угрожают в письмах. Ясно. А можешь их показать? – спросил он, потирая ладонью висок.

На стол легло несколько листков бумаги. Хмурый Кадер молча вчитывался в них, пока Эсси морально готовилась сказать ему вещь, которая должна была выбить его из колеи не меньше, чем ее заявление об угрозах.

– Это точно кто-то из наших, – заключил он после прочтения, – или из знающих. Не нравится мне все это. И что предлагаешь делать?

– Попытаться разобраться, кто присылает письма, и пожаловаться на него в Комитет. Или просто сделать так, чтобы это прекратилось.

Кадер одобрительно кивнул.

– И ты останешься со мной, пока все не разрешится. И будешь мне помогать и защищать. Отныне это и твоя проблема.

Кадер удивленно вскинул брови, по его спине пробежал холодок. Никогда раньше он не слышал от вежливой и тихой Эсси подобного приказного тона. Что заставило ее так себя вести?

Она крутила в руках чашку, явно нервничая.

– Той осенью ты дал мне слово, – продолжила она, – и это слово нерушимо. Обещанное да будет исполнено по первому зову – ведь так? Ты слышал мою волю.

И чуть тише добавила:

– Вытащи меня из беды. Это мое желание.

Ошарашенный Кадер отступил на пару шагов назад, пытаясь собраться с мыслями. Вот уж чего он никак не ожидал от сегодняшнего дня. Отсюда и резкий тон, и странная формулировка – желание должно быть предельно ясным и всегда адресуется в форме приказа. Нерушимый закон древних времен. Неписаный, конечно же – его не изменишь и не отменишь, от него никуда не денешься. Пришел его черед платить.

– Я так понимаю, у меня нет выбора? – ненавязчиво поинтересовался Кадер, пытаясь убедиться в происходящем.

Эсси молча опустила глаза. И кивнула. Сопротивление бесполезно, да и бессмысленно. Круг замкнулся, узел затянулся. Клетка захлопнулась.

– Вот, значит, оно как происходит. Сколько слышал об этом – а все разное говорили. То ли дело самому почувствовать. Раз! – и перед тобой будто бы появляются запертые ворота, которые никак не обойти, не преодолеть. Сдержишь слово, выполнишь волю – и откроются или вовсе исчезнут. А другой вариант… Брр!

Он вздрогнул и тряхнул головой, точно пытаясь прогнать стаю маленьких вездесущих черных птиц – тревожных мыслей, что расселись по веткам в каждом укромном уголке души.

– Ну и ладно! – внезапно повеселел он. – В конце концов, могло быть и хуже. Я всегда знал, что ты честная и достойно этим воспользуешься. А случай твой, – он немного замешкался, подбирая слово, – довольно неприятный, поэтому вполне понимаю, что заставило тебя прибегнуть к моей помощи. Тем более я сам

просил тебя с этим не затягивать. Так что, – Кадер развел руками, – я в деле!

– Спасибо! – только и смогла произнести Эсси, все еще не веря, что теперь она будет бороться с проблемой не одна. Ледяные когти страха немного ослабили хватку, дышать стало легче, и она даже не нажила себе врага в лице доброго приятеля – значит, не все было потеряно.

– Пока не за что, – пожал плечами Кадер. – Ты только учти, нужно будет еще раз все обсудить и решить, что мы будем с этим делать.

Она утвердительно кивнула, поставив пустую чашку на стол. Пальцы, которыми она держала ручку, побелели от напряжения. Будь она немного посильнее – вполне могла бы сломать хрупкий фарфор. Кадер вдруг внезапно нервно рассмеялся.

– Ну вот, а я только понадеялся, что год спокойно закончится, – посетовал он, – но, видимо, не судьба. Зато с желанием все прояснилось, что неплохо. Только теперь мне тоже надо успокоительный чай заварить.

– Прости, что так вышло, – тихо сказала Эсси.

– Рано или поздно это должно было случиться, – отозвался Кадер. – В конце концов, я сам на это подписался.

И устало усмехнувшись, добавил:

– Тяжело быть джинном, знаешь ли.

Ответить ей не позволил внезапно раздавшийся из-за двери слабый скрип, вроде того, что порой издают кроссовки, задевая подошвой начищенный пол. Может, это было и к лучшему – она решительно не знала, что сказать.

Они мгновенно переглянулись. Случайный прохожий или же?..

«Реки и озера, только не это!» – мысленно ужаснулась Эсси.

Кадер среагировал мгновенно – за пару шагов очутился у входа и аккуратно обхватил ладонью ручку двери. Скорее всего, за шкафом с той стороны стены кто-то прятался. А они оба совсем забыли про защиту от подслушивания!

Эсси кивнула, и он резко распахнул дверь, высунувшись в коридор.

Раздалось обиженное «Эй!», и на них уставилась пара испуганных карих глаз.

– Уильям? – в один голос ахнули оба.

Глава пятая,

в которой оживают сказки и легенды (но с некоторыми оговорками)

Открывая имя, адрес и любимый цвет ботинок,

Открывая незнакомцам по ночам в квартиру дверь,

Доверяя безотказно, не боясь однажды сгинуть,

С волшебством справляйся так же:

Если веришь – значит, верь.

То ли волей случая, то ли по собственной неосторожности Уилл оказался застигнут врасплох на месте преступления. Сам он, конечно, преступлением бы это не назвал и в своих действиях не находил ничего предосудительного. Подумаешь, подслушивал. Вот вранье Кадера – другое дело. Если бы продавец не скрывал что-то за своей извечно вежливой улыбкой и уклончивыми фразами, Уиллу бы и в голову не пришло пытаться что-то узнать нечестным путем. Но его ответы, пусть часть из них и звучала правдоподобно, никак не увязывались в логическую цепочку. Уилл чувствовал, что от него утаивают огромный пласт информации, без которого все его старания примириться с происходящим

лопались как мыльные пузыри.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Дорогой читатель, сразу сделаю оговорку на будущее. Университет, в котором учится Уилл, не имеет реального прототипа и является частным, а значит – может позволить себе несколько бо?льшую свободу относительно формирования программ, их временных рамок и вариативности способов обучения. Посему принцип работы учебной программы Уилла не претендует на стопроцентное совпадение с существующими в нынешней Австрии учебными программами. Но существуют ли похожие учебные программы в европейских университетах – спросите вы? Да, существуют. (Здесь и далее – прим. автора.)

2

Англ: William Shallowbay. Фамилия Уилла – составная и образована из двух слов: shallow – «неглубокий», «мелководный» и bay – «бухта». Фамилия немножко говорящая и указывает на то, что он еще молод и многого не знает, а также на то, что он родился и вырос у моря, а точнее – у залива Пул (Poole Bay). Касательно реалистичности фамилии не ручаюсь – она выдумана, но существует множество британских фамилий, которые строятся подобным образом (Holloway, Greenwood, Bloomfield и пр.). К слову, на русском возможны как варианты

написания с «э», так и версия с «е».

3

Нужно принять во внимание то, что герои разговаривают на немецком. В немецком (в отличие от английского) существует разделение вежливого «вы» и простого «ты»: Sie – «вы», du – «ты».

4

Да, такие существуют на самом деле.

5

Восточные стаканы для чая, они же – армуды, бардаки или богмалы. В некоторых странах их также иногда называют «тюльпанами».

6

У взрослых людей такая болезнь, как ветряная оспа (она же ветрянка), действительно может сопровождаться легкими галлюцинациями и бредом. Это связано, во-первых, с высокой температурой на начальной стадии (особенно по ночам и под вечер), а во-вторых, с тем фактом, что в организме накапливаются токсины в волдырях.

Купить: https://tellnovel.com/ru/l-yan_marta/chay-so-zvezdnym-siyaniem-kniga_1

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить